

«ГОСПОДА ОБНОСКОВЫ» А.К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА И «АННА КАРЕНИНА» Л.Н. ТОЛСТОГО: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ, ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОДСТВА

Автор статьи рассматривает вопрос о возможном влиянии романа «Господа Обносков» А.К. Шеллера-Михайлова на процесс создания романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, рассуждает о заимствованиях и творческих освоениях, их месте и значении при создании Толстым особенной в своем мироподобии художественной системы.

Ключевые слова: роман, заимствования, творческие освоения, художественный мир, Л.Н. Толстой, А.К. Шеллер-Михайлов, сюжетные элементы, реализм.

Ключевой идеей всего жизненного пути Толстого была идея совершенствования. Параллельно работе над собой и благодаря ей, писатель постоянно оттачивал своё художественное мастерство, видя в личности огромный, неповторимый мир, в то же время не значащий ничего в отрыве от мира людей, от человечества и его достижений. Необыкновенно внимательный ко всему интересующему его, способный в равной степени к трезвому, обстоятельному анализу и к интуитивному пониманию, Толстой был всегда чуток к находкам других писателей. Уникальность творчества Толстого состояла и в его способности освоения, аккумуляции, преобразования и сочетания находок предшественников и современников. Речь в данном случае идёт не об умалении степени оригинальности творчества Толстого, наоборот, заимствуя что-то, писатель проводил длительную работу, в результате которой перенимаемый элемент становился незаменимым в его художественном мире, в его художественной системе. Как справедливо отметил А.С. Бушмин, «... только выявив внутренний генезис и идейно-эстетическую мотивировку образной системы, и можно объяснить, почему в арсенал писателя вошли те или другие элементы литературно-художественной традиции» [3, с. 129]. Проведенный целостный и системный анализ романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», в результате которого нами были определены основные функции различных элементов художественного мира, позволяет нам с определенной уверенностью говорить о возможных заимствованиях.

Идея цельной и самодостаточной личности, обретающей своё истинное «я» только при связи с реальностью, с прошлым, и устремленной в будущее, проецируется и на художественный

метод и принципы изображения Толстого. Художественные заимствования, творческие освоения получают своё обоснование как раз при обращении к позиции Толстого и его убеждениям. Каким бы гениальным ни был писатель, один, без опыта и находок предшественников, он не в состоянии создать гармоничный и цельный художественный мир, подобный в своей полноте миру реальному. Безусловно, находки других писателей, осваиваемые Толстым, способствовали созданию в его произведениях эпического пространства, не толстовское становилось толстовским, приобретая стереоскопичность и, в то же время, придавая произведению необходимую жизненную тотальность. Очень важно уяснить и то, что любые заимствования, становясь элементами реализма Толстого, приобретали особый характер: как правило, они оказывались в необыкновенно широком пространстве, высшим мериллом в котором является Божественная воля.

В №3–7 журнала «Дело» за 1868 год был опубликован роман А.К. Шеллера-Михайлова «Господа Обносков». Анализ данного произведения и сопоставление его с романом «Анна Каренина» позволяют сделать вывод не только о близости поднятых Толстым и Шеллером-Михайловым проблем и вопросов, но и о возможном и довольно масштабном влиянии романа «Господа Обносков» на создание «Анны Карениной».

В свое время произведения Александра Константиновича Шеллера, подписывавшегося псевдонимом А. Михайлов, были очень популярны, особенно в среде демократически настроенной молодежи. Незаслуженно забытые сейчас, во второй половине XIX века романы Шеллера-Михайлова были на слуху. «В отчётах публичных библиотек Шеллер-Михайлов стоял «по читае-

мости» выше И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого. Произведения писателя служили предметом острых критических выступлений, самых разногласных суждений, горячих споров, часто далеко выходящих за пределы литературных интересов» [4]. Несомненно, Лев Николаевич был знаком с творчеством современника. Каких-либо упоминаний о Шеллере-Михайлове в записях, письмах самого Толстого периода работы над «Анной Карениной» нет; уже за год до смерти, в ноябре 1909 года в письме к шестнадцатилетнему юноше П.М. Семеренко Толстой отметил: «Очень советую не заниматься литературой и ответы на вопросы жизни искать не у Шеллера-Михайлова, а у великих мудрецов мира: Конфуция, Марка Аврелия, Эпиктета, Христа, Магомета, Руссо, Паскаля, Канта и др.» [5, т. 80, с. 181]. Нужно учитывать, правда, что это письмо позднего Толстого, в указанный период неоднозначно относившегося к художественному творчеству (как своему, так и чужому). Кроме того, Толстой ведь не рекомендует не читать Шеллера-Михайлова: а в конце 1860-х годов писатель, внимательно следивший за всеми новинками в области литературы, просматривавший и прочитывавший многие журналы, скорее всего, не мог пропустить и романа «Господа Обносков».

Отмечаемые нами далее сходства и переклички отдельных элементов художественных миров романов позволяют оценить, насколько полновеснее и значимее эти элементы в романе Толстого. У Шеллера-Михайлова читатель идёт вслед за событиями сюжета, выступает в роли наблюдателя, которому объясняются все сколько-нибудь непонятные поступки или действия героев. А Толстой право оценивать всё происходящее представляет реципиенту. У него и элементы сюжета не просто сообщают то, что было или будет с героями, но представляют стройную систему за счёт выстраивания соответствия жизненных путей персонажей.

Шеллер-Михайлов как писатель-демократ ориентируется, прежде всего, на изображение социальной несправедливости и путей ее устранения, создаёт образ идеального героя-труженика, противопоставленного остальным персонажам. Таким в «Господах Обносковых» оказывается Павел – сирота, оборванец, усыновленный и воспитанный Кряжовым, оказавшийся способным к решительным действиям. Но та реалистическая картина действительности, которую

представляет Шеллер-Михайлов, несопоставима с изображением жизни у Толстого. Кажется, что оба писателя показывают героев, которые рассчитывают на свои силы, строят свою судьбу, совершают ошибки и пытаются их исправлять. Но целенаправленности движения Павла в «Господах Обносковых» не сравниться с практической деятельностью Левина в «Анне Карениной» (а внешне, кстати, жизнь Павла представляется читателям намного более активной и результативной). Как справедливо отметил Б.И. Бурсов, «Толстой избирает своим героем человека, ищущего связь своей личности со своим народом, со всеми людьми своего времени, даже более того – со всем тем, что было в мире до него и что будет потом, впоследствии» [2, с. 282].

Романы Толстого и Шеллера-Михайлова оказываются несопоставимы и по степени воздействия на реципиентов. Шеллер-Михайлов сознательно ориентировался на определенный круг рядовых читателей, не готовых к сложным сопоставлениям художественных элементов, поиску скрытых смыслов. Толстой, в отличие от Шеллера-Михайлова, создает роман, словно насыщенный темной материей, которая не видима, но имеет огромный вес, утяжеляя роман до эпопеи. Эта «темная материя» не явна в художественной системе, а присутствие ее становится заметно благодаря «гравитации»: отношениям между всеми элементами мира произведения (системой символов, мотивов, рифмовкой эпизодов, сюжетных линий, этапов в движении героев и пр.). Но, как справедливо отметила Н.З. Коккина, «массовый литературный деятель «шестидесятых годов», к которому по праву принадлежит А.К. Шеллер-Михайлов, создавал особый микроклимат, питательную среду для появления подлинных шедевров, готовил читательскую массу, способную воспринять эти шедевры» [4].

Роман Шеллера-Михайлова не содержит запутанной интриги. Написанный просто и легко, он привлекает читателя яркими образами, продуманными и тонко переданными характеристиками. Нельзя, кстати, исключать и влияния данного романа на М.Е. Салтыкова-Щедрина, почти через десятилетие после выхода «Господ Обносковых» написавшего роман «Господа Головлевы». Факт возможного влияния подтверждает некоторое сходство образа матери Алексея, Марьи Ивановны Обносковой с образом госпожи Головлевой. Кроме того, весьма любо-

пытно, что Салтыков-Щедрин, посвятивший творчеству Шеллера-Михайлова немало внимания, представивший несколько обзоров его романов, в которых отмечены не столько заслуги автора, сколько его никчемность («Засоренные дороги и с квартиры на квартиру»; «В разброд». Роман в двух частях А. Михайлова»; «Беспечальное житье» А. Михайлов. Роман»), о «Господах Обносковых» не упоминает.

Особенно актуальными во время написания и публикации «Господ Обносковых» были поднятые автором вопросы свободы выбора женщины, проблема незаконных связей между мужчиной и женщиной и отношения света к этой связи, проблема вынужденной боязни проявления истинного чувства, вопрос о возможности женщины изменить свой выбор, не сломав жизнь себе и другому человеку. Именно к этим вопросам и проблемам обратился Толстой в «Анне Карениной». И Шеллер-Михайлов, и Толстой рассуждают о теме семейной, особой преданности своему роду, наследовании детьми черт характера, склонностей и убеждений родителей. Нельзя исключать того, что Толстой отчасти и вслед за Шеллером-Михайловым показывает, как ошибка женщины, совершённая при выборе спутника жизни, отца её детей, лишает саму женщину не только радости общения и взаимопонимания с дорогим человеком, но и возможности нравственного роста, гармоничного самосовершенствования.

Примечательно, что роман «Господа Обносковы» начинается с картины прибытия поезда: «Из вагонов только что прибывшего из-за границы поезда Варшавской железной дороги выходили пассажиры» [6]. В Петербург, к матери приезжает Алексей Алексеевич Обносков – молодой чиновник, правда уже порядочно поизносившийся на службе, но составивший себе прочные убеждения и привычки, которым он не намерен изменять. Алексей Алексеевич – человек не живой, «обносковская натура» – едет к умирающему дяде, тоже Обноскову, чтобы узнать его последнюю волю и проследить за справедливым распределением его наследства. У постели умирающего Алексей Алексеевич встречает незаконнорожденного сына дяди. Планы младшего Обноскова оказываются невольно подорванными этим мальчиком и незаконной женой и любимой женщиной скончавшегося дяди – Стефанией Станиславовной Высоцкой, которым муж и отец оставляет большую часть состояния. Далее автор сообщает о возмож-

ной женитьбе Обноскова на дочери старого профессора Кряжова. Читатель узнает историю этой девушки Груни и ее неродного брата, взятого на воспитание Кряжовым. Груня выходит за Обноскова замуж совсем глупо, фактически только затем, чтобы не опечалить отца. Далее следует череда неприятных для всех героев сцен: неродной брат Груни, Павел, выросший и полюбивший её уже не братской любовью, очень переживает; сама Груня не уживается с глупой и сварливой свекровью, ненавидит мужа; старик Кряжов, чувствуя, что брак дочери стал для нее клеткой, винит себя; Обносков, обращающийся с женой как с вещью, ревнует её к Павлу и пытается подставить его. Груня, переживая муки супружеской жизни ради честного имени, в итоге не выдерживает и сбегает к отцу. Обносков пугает жену и не дает ей развода. Благодаря помощи Стефании, Груне удаётся уехать за границу, куда приезжает после и Павел. За границей у Груни и Павла рождается сын, а после одной из очередных поездок на Родину, Паша привозит весть о смерти Обноскова. Автор оставляет своих молодых героев на пороге будущего, новой жизни.

Большую часть романа занимает история Груни и ее брата, описание супружеской жизни Обносковых и далее – отдельной жизни убежавшей Груни и оставшегося с матерью Алексея Алексеевича. Читатель романа невольно задумывается над его названием. «Господа Обносковы» – это и семья старого Евграфа Александровича, и семья Алексея Алексеевича. Именно о финале этих господ и повествует автор: первый, как мы уже говорили, умирает в самом начале романа, второй – в финале. Фамильные сходства между ними не явны, и одноосновность их становится ясна только в результате проведения внефабульных связей, сопоставления отношений этих героев к женщинам. А ведь в «Анне Карениной» внефабульные связи играют важнейшую роль при воссоздании художественного мира, при соотношении линий Анны и Левина, судеб Карениных, Вронских, Облонских, Левиных, Щербацких, Кити и Кознышева и др. У Шеллера-Михайлова старый Обносков всю жизнь любил Стефанию, но боялся ввести её в дом, сделать законной женой. Свою ошибку он признает уже на смертном одре. Не смог сделать счастливой Груню молодой Обносков. А всё потому, что оба героя схожи в своей нерешительности, мелочности, боязни вырваться из привычной колеи. «Интересы у вас узки,

жизнь мелка, потому и характер не может развиться», – сказала Стефания своему ещё молодому тогда избраннику [6]. После женитьбы Алексей Алексеевич блаженствует, полностью погружаясь в свои дела, он нисколько не думает о жене как о человеке, заботясь лишь о своём удобстве. Автор отмечает, что «такая жизнь была полным осуществлением того идеала, к которому может стремиться и стремится на самом деле каждая мелкая обносковская натура».

Толстой в «Анне Карениной» также покажет, что беда семьи Карениных заключалась в равнодушии Алексея Александровича к Анне, в соблюдении внешних приличий и обязанностей и полном безучастии Каренина к Анне как человеку. Сразу после женитьбы Обносков перестает интересоваться жизнью Груни, ему необходимо просто её присутствие: «Алексей Алексеевич отправился к себе в кабинет, поработал, съездил на урок и, довольно поздно возвратившись домой, зашёл на полчаса к жене, а потом совершенно спокойно проработал с час или два в своем кабинете, где он обыкновенно спал» [6]. Нечто подобное складывается и в семье Карениных. Здесь сразу уместно остановиться на фигурах двух Алексеев: Обноскова и Каренина. При различном масштабе (Обносков – мелкий служащий, чиновник, всю жизнь искавший покровительства и выигрывавший на трудолюбии и усердии при полном отсутствии таланта, Каренин – талантливый управленец, умный человек, решающий дела государственной важности) герои похожи в своей замкнутости, узости интересов и сосредоточенности на одном деле, считаемом ими самым важным.

На примере судьбы Анны Карениной Толстой покажет все те ошибки, которые были совершены Стефанией Высоцкой и Груней. Как и юная Груня, вышедшая замуж по воле старого отца, которому вдруг показалась удачной предлагаемая партия, Анна выходит замуж неосмотрительно, без любви. Как Стефания Высоцкая, Анна будет вынуждена терпеть унижения, переносить усмешки света. Борясь со своей вечной нерешительностью, дядя Обносков исповедуется племяннику: «Мы все, люди отживающего поколения, жили с любовницами; одни при живых женах имели посторонние связи; другие просто не женились на любимых и близких им женщинах потому, что им не позволяли этого родные; третьи жили весь век с женщинами, не женясь на них потому, что считали сами женитьбу на них за неравный брак и не

имели смелости ввести в свой дом ту женщину, которая, несмотря на свое происхождение, хранила всю их жизнь и делала их счастливыми... Свет смотрел на эти связи сквозь пальцы, потакал им, так как его приличия не нарушались, в его кружки не вводились дочери людей тёмного происхождения, но, друг мой, тут приличиям приносилась в жертву человеческая личность» [6]. Молодой Обносков не в состоянии понять дядю, который продолжает говорить о том, что подчиняясь словесным предрассудкам, они, молодые господа, налагали пятно на женщину, делали её в глазах света развратницей. Племянник после женится по правилам, вот только в жене также не увидит личности, а потом невольно сделает её развратницей, отказывая в разводе и вынуждая убежать с любимым человеком от живого мужа.

И Обносков, и Каренин относятся к женам как к неодушевлённой собственности, вспоминая о приличиях и законах, не дают Груне и Анне развода. Не исключено, что именно модель поведения Алексея Обноскова, пример его отношения к жене помогли Толстому создать фигуру и характер Каренина. Даже в портретах указанных героев авторы подчеркивают сходные черты. Как уже не раз отмечалось в литературоведении, в «Анне Карениной» отдельные детали и штрихи портрета нередко содержат очень ценную информацию и фактически заменяют собою в тех или иных сценах описание облика героя. Так, оба автора наделяют своих героев насмешливостью, подчеркивая присущее им самомнение: «Увидав ее, он пошел к ней навстречу, сложив губы в привычную ему насмешливую улыбку...» [5, т. 18, с. 110]; «Наружные углы глаз, приподнятые кверху, придавали лицу путешественника калмыцкое выражение не то мелочной хитрости, не то злобной и холодной насмешливости» [6].

Кстати, один из знаковых жестов Каренина – «соединение рук и трещание пальцев» – мы видим и в романе «Господа Обносковы». У Шеллера-Михайлова до хруста пальцев сжимает руки раздосадованный глупым поведением неродного отца Павел.

Очень интересно, что в XVI главе романа «Господа Обносковы», когда читатель окончательно видит всю абсурдность брака Груни и Алексея, ни в какой мере не основанного на чувстве, возникает разговор Груни и кузена Пьера о романе в жизни женщины. В этом диалоге автор кратко определяет все возможные варианты существо-

вания женщины в свете, которые опишет Толстой в романе «Анна Каренина» на примере Бетси, Лизы Меркаловой, Сафо Штольц, самой Анны, прочих дам, отношения светского общества к любовным связям вне брака. Кузен Пьер, решивший посердить ревнивого Обноскова излишним проявлением внимания к Груне, говорит: «Я <...> считаю роман неизбежным в жизни молодой женщины. Разница в том только, что одни романы делаются популярными, а другие хранятся только для двух-трёх заинтересованных лиц, как недостижимые сокровища» [6]. Пьер рассуждает о светских правилах и объясняет Груне, что измены становятся закономерным следствием отсутствия чувств между супругами: «Но, кузина, свет всегда сначала задаёт себе вопрос: могла ли быть любовь между такою-то и такою-то личностями? И потом, получив отрицательный ответ, делает свои предположения насчёт предстоящего романа» [6].

Кроме того, существует довольно большая вероятность заимствования Толстым уже готовых сюжетных элементов, психологических состояний героев Шеллера-Михайлова. У последнего отсутствуют пространственные описания психологического состояния Груни, но отдельные фразы и подробности, передающие её ощущения и переживания в моменты высшего напряжения, могли послужить основой для тех или иных звеньев в представлении сложной и богатой душевной жизни Анны Карениной. К примеру, в разговоре с Павлом после болезни Груня говорит о своем отчаянии и об исходе. Сопоставляя сюжетные ходы в романах «Господа Обносковы» и «Анна Каренина», мы понимаем, что не будь у Груни Павла, она, скорее всего, кончила бы жизнь так же, как и Анна. Слово

«исход», произнесенное Павлом в смысле «выхода» из создавшегося положения, Груня воспринимает совсем не так: «Я сама думала о смерти», – задумчиво проговорила Груня» [6]. Отчаяние Груни соразмерно с её сомнениями, с её запутанностью в обстоятельствах. И Груня, и Анна оказываются в плену, который авторы описывают с помощью близких образов и мотивов: лжи, путаницы, грязи. «Позор, лишения, труд – всё, всё перенесу, только бы вырваться из этой грязи, отделаться от этой лжи, прикрытой маской нравственности, набожности и серьёзности...» [6], – говорит Груня. А ведь Анна на протяжении всего романа пыталась разорвать паутину лжи и обмана.

Сходными оказываются и состояния Обноскова и Каренина после бегства жён. Опять необходимо учитывать разный уровень героев и лиц, имеющих на них влияние: Обноскова пытается успокоить мать, Каренина – графиня Лидия Ивановна. Но огорчение, недовольство, разочарование обоих героев сменяются ни к чему не приводящими попытками решительных действий.

Таким образом, учитывая абсолютно разные цели и задачи, стоявшие перед писателями, можно констатировать родственность тем, проблем, поднятых ими, а также большую вероятность заимствования и творческого освоения Толстым некоторых находок Шеллера-Михайлова. Но любые заимствования, попадая в художественный мир Толстого, приобретали все необходимые сложные системные свойства и особенности этого мира. Тем важнее и интереснее сам факт обнаружения возможных влияний, наблюдения за масштабами трансформации перенятых писателями элементов.

12.11.2013

Список литературы:

1. Андреева В.Г. «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». – Кострома: Авантитул, 2012. – 296 с.
2. Бурсов Б.И. Национальное своеобразие русской литературы. – Л.: Сов. писатель, 1967. – 396 с.
3. Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы. – Л.: Худ. лит., 1978. – 224 с.
4. Коковина Н.З. А.К. Шеллер-Михайлов и литературное движение 1860-х – 1870-х годов: дис. канд. филол. наук. – Калинин, 1985. – 236 с.
5. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. – М.: Худ. лит., 1928–1958.
6. Шеллер-Михайлов А.К. Господа Обносковы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shellermihajlow_a_k/text_0090-1.shtml

Сведения об авторе:

Андреева Валерия Геннадьевна, докторант кафедры литературы

Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, кандидат филологических наук, ответственный секретарь журнала «Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова», 156961, г. Кострома, ул. 1-го Мая, 14, редакция журнала «Вестник КГУ», e-mail: lanfra87@mail.ru, vestnik@ksu.edu.ru